

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ КНО

Зарисовки праздничных дуг на костромском базаре.

К вопросу о костромской крестьянской росписи.

С.С.КАТКОВА

ОГБУК КГИАХМЗ, г. Кострома.

В составе Костромского научного общества по изучению местного края существенная роль отводилась исследованиям по этнографии. Материальная и духовная культура губернии изучались всесторонне: экспедиции, выезды, анкетирование. Результат: дневники, записи особенностей говоров, пословиц, поговорок, сказок и обрядовых песен; приобретения, находки и дары предметов быта, зарисовки во время экспедиций и на костромском базаре. Вот далеко не полный перечень того, что отложилось в фондах музея, архива, что удалось систематизировать и издать. Объем выполненных этнографами исследований поражает масштабом, и это в непростое время, почти при полном отсутствии финансирования, возможности поездок в районы для обследования области. Они находили возможность привлекать в помощь молодых добровольных помощников из уездных отделений КНО, широко практикуя опросы через рассылку анкет.

Базар был настоящей находкой для этнографов. На Сенной площади в Костроме по базарным дням собиралось множество подвод, приезжали из ближних и дальних волостей. Для крестьянина выезд в город – это событие, которое приурочивали к

тому времени, когда успевали справиться страду: посевная, сенокос, жатва, уборка урожая. Между циклами этих работ выдавалось несколько дней передышки, и на них ориентировались, собираясь в город за покупками. Впустую лошадь не гоняли и, как правило, старались что-то захватить на продажу. С собой хозяин брал кого-нибудь из ребят подростков, чтобы стоял у коновязи и за лошадкой присматривал. У коновязей в ряд стояли крестьянские лошади и отдельно тяжеловозы ломовых извозчиков.

Выезд на базар обставлялся как праздничный. На лошадь одевали лучшую сбрую, праздничную, выездную дугу. Сам хозяин одевался в лучшую одежду, ведь в люди выходил. Поэтому и на полушубке была праздничная опояска (нарядный пояс с кистями). Все должно свидетельствовать о «справности» хозяйства, в котором и хозяин домовитый работающий, жена – умелая мастерица. Хорошая слава не помеха, глядишь, и к дочке зашлют богатых сватов из другого села.

Сотрудники этнологической станции были умелыми рисовальщиками. Они часто на базаре делали зарисовки. Их зарисовки – бесценный материал для изучения материальной культуры нашего

региона. Зарисовки И. Калиткина изданы в альбоме «Орнамент костромского полушубка»¹. Другие зарисовки ещё ждут своего исследователя.

Этнологическая станция КНО в 1926 году – это всего два научных сотрудника: Л.С.Китицина и Е.М.Полянская и 4 практиканта: П.Н.Третьяков, С.Н.Рейпольский, В.Ф.Риттер, Ф.И.Молчанов. В работе станции принимали участие сотрудники музея².

В планах станции на каждый год были определены различные темы и каждая закреплялась за кем-то из сотрудников. Так, конская упряжь, костромские хомуты, дуги стали темой исследования Е.М.Полянской. В отчет по теме включались приобретения отдельных предметов, инструментов, их описания, рассказы, зарисовки.

Из Отчета за 1926 год узнаем, что на костромском базаре делали зарисовки: Н. Калиткин – хомуты (4 №№), Е. М. Полянская – хомуты, подгарники (41 №№), дуги (12 №№). В экспедициях зарисовки наличников, сельскохозяйственных орудий и крестьянской живописи делал Г. П. Слободской (8 №№), Ф. И. Молчанов зарисовывал дуги в экспедиции и на костромском базаре. (10 №№).

Н. П. Беляева сделала в этнологической экспедиции 1925 года целый альбом (20 №№) фотографий. Фотоаппарат был не лучший помощник, управляться с ним могли не все, а на расходные материалы нужны были деньги, что при полном безденежье усложняло дело. Так что зарисовки были наиболее продуктивным видом сбора сведений, особенно для росписей, где так важен цвет, где описать

все невозможно, нужна наглядность. Сопровождение зарисовок рассказом или краткими сведениями о бытовании предмета, времени и месте исполнения или приобретения давали возможность выявить ареал бытования, иногда получить сведения о мастерах росписи.

Занимаясь исследованием костромской росписи в интерьерах изб, я просматривала весь комплекс, хранящихся в музее зарисовок этнологической станции. Для меня особый интерес представляли зарисовки с росписью: шкафы, ставни и дуги. Дуги зарисовывали на костромском базаре в 1926 году. Это одна из самых значительных коллекций зарисовок выездных, расписных дуг³.

Как делали зарисовки на базаре, можно только предполагать, так как в коллекции нет черновиков. Возможно, это были карандашные наброски с метками о цвете или с частичной раскраской цветными карандашами. Может быть удавалось снять кальку с отдельных мотивов. Ясно, что весь черновой материал затем обрабатывался. В коллекцию поступал рисунок, готовый стать экспонатом выставки или быть воспроизведенным в альбоме.

Все зарисовки одинаково оформлены, на хорошей бумаге с сопровождающими надписями. Предварительно сделан карандашный рисунок и по нему акварельная роспись. Изображается только половина дуги. Дуга имеет симметричное строение и соответственно декор другой стороны повторялся. Нет рисунка оборотной стороны, так как она часто просто окрашивалась в цвет фона росписи или повторяла рисунок лицевой стороны, но в упрощенном варианте.

---

1 Калиткин Н.А. Орнамент костромского полушубка.// Труды КНО. Вып.38. Кострома, 1924.

2 Отчет о деятельности Костромского Научного Общества по изучению местного края за 1926 г. Кострома, 1927.

3 Зарисовки дуг. КМЗ КОК 10945,10947,10951-10958,10960-10964, 27996, 27998,27999, 28001-28003.

Даты на листах свидетельствуют, что в основном зарисовки сделаны или ранней весной (до посевной) или поздней осенью (после уборочной).

Сотрудники этнологической станции выбирали для зарисовок самые нарядные и разные по мотивам и стилю исполнения росписи на дугах. Наиболее ранние росписи датированы 1853, 1860, 1866, 1874, 1883 годом, последние – 1916. Ранние часто совмещают резьбу и роспись. Очевидно, изначально декор на дугах был только резным, с раскраской или позолотой, но позднее в дополнение к резьбе стали заказывать модную роспись цветами.

Именно такие дополнения встречались мне на прялках. Старую, с геометрической резьбой прялку или донце обновляли росписью. Мастер в таком случае старался сохранить красоту резного декора, располагая цветы в свободных от резьбы частях, иногда раскрашивая резьбу в тот или иной цвет, который и становился определяющим в колорите росписи. Так что дата на дуге – это дата росписи.

Коллекция зарисовок праздничных дуг была для меня особенно интересна, так как разную утварь в крестьянском хозяйстве часто расписывали те же мастера, что писали весь «снаряд в избе»⁴.

Ф.И.Смирнов – мастер альфрейной росписи из д. Телешово Буйского района, состарившись, не имея сил и здоровья ходить в Питер на заработки, расписывал разные предметы, которые приносили ему заказчики на дом: прялки, ковши, дуги. Сам мастерил и расписывал прялки. На буйском базаре их называли «телеш-

---

4 Каткова С.С. Народные монументальные росписи Костромской области.// Искусство современной росписи по дереву и бересте Севера, Урала, Сибири. Сб. науч. трудов НИИХП. Москва, 1985. С.95–105.

хи». Расписные дуги были выездными. На дугах он изображал вензеля и цветы⁵.

Дуги гнули из тальника и вяза, покупали на базаре или заказывали мастеру, который умел их делать. Если оглобли мог сделать любой крестьянин, то гнуть дугу, полозья саней могли только мастера, обладающие набором инструментов и знанием секретов (технологии) их изготовления. В повседневной работе обычно использовали простые некрашенные, легкие дуги, и только по праздникам, да на масленичное катание лошадь украшали нарядной упряжью те, у кого были средства на ее приобретение или свой талант.

У моего деда (в Шуйском уезде Владимирской губернии) была не только праздничная упряжь, но и выездной конь. Все хозяйственные работы исполняла тягловая лошадка. Ей могли управлять даже дети, а к коню подходить боялись, такой он был норовистый и слушался только хозяина. Так что праздничная упряжь была для него.

Каждый хозяин дуги выбирал для росписи мастера по возможности своего кошелька. Самые дорогие дуги были с позолотой фона (обычно имитация: покрытие олифой по оловянной или серебряной подкладке). Это было признаком зажиточности семьи.

*Ко мне сваты приезжали
с позолоченой дугой,
пока пудрилась, румянилась
уехали к другой.*

Среди имеющихся в собрании музея зарисовок дуг можно выделить подписные и датированные. Есть с легендами от хозяев: где купили дугу, кто писал цветы, порой помнили имя и место, где жил или откуда приходил мастер.

---

5 Там же. С.99–100.

Дер. Бурово Бычих. вол.
38 лет. Делал на дому
мастер из Андреев. вол.
Костр. у.

29/3 26г.

Е. Полянская

КМЗ КОК 10945 Дуга. Резьба раскрашена. д. Бурово Бычихинской волости. Красил на дому мастер из Андреевской волости Костромского уезда. Рис. Е. Полянская.

Надписи о заказчике, месте проживания, дата и подпись мастера, как правило, были на верхнем торце дуги. Случалось, что новый хозяин закрашивал старое имя.

Малярный промысел в Костромской губернии был одним из самых распространенных. Статистика конца XIX века свидетельствует, что в ряде уездов это был основной промысел. В селениях вокруг с. Молвитино маляров было настолько много, что даже далеко за пределами губернии костромских маляров называли молвитинскими, их ценили за хорошее качество работы.

Мальчиков рано отдавали в обучение к мастеру маляру. Они ходили с ним в артели на заработки. Сначала выполняли подсобные работы, постепенно осваивая ремесло, терли сухие пигменты на кра-

скотерке или курантом, учились варить олифу, готовить краску, вести подготовку стены или столярной основы (тесовые перегородки, голбечные заборки, вязаные двери), то есть шпаклевать и готовить шпаклевку, красить полы, стены. Лишь самые талантливые осваивали мастерство уборщика, способного наводить узоры, орнаменты, делать трафареты и с их помощью расписывать потолки, помогать художникам при письме плафонов в дворах и комнатах⁶.

Из среды таких талантливых мастеров-уборщиков часто выходили мастера, расписывавшие крестьянские избы и утварь. Конечно, они не повторяли приемы альфрейной росписи, работая маслом по

Дуга, расписанная
на конторном
давке.

24 5 26г.

Е.П.
Полянская

КМЗ КОК 10947 Дуга. Роспись.
Рис. Е. Полянская

⁶ Соловьев А.Н. Питерщики-галичане. Галич, 1923.

КМЗ КОК 10951 Дуга. Резьба, роспись. 1853г.
д. Пищальниково. кр. Сергеева.
Рис. Е. Полянская

дереву, но их навыки и мастерство всегда видны в работе. Только по старости или болезни, потеряв возможность участвовать в артельном труде, мастера оставались дома и брали заказы на роспись на дому или же уходили в ближний отход. В таком случае работать приходилось одному или с помощью мальчика-ученика из односельчан. Чаще мастер приглашал себе в помощники кого-то из той местности, где находил несколько заказов⁷. Некоторые из этих помощников, слегка научившись, после ухода мастера домой, брали заказы у односельчан, и по-своему вели роспись.

⁷ Каткова С.С. Самородки художники и живописцы. // «Странцы времен». № 4. Кострома. 2010. С. 24–33.

В экспедиции 1971 года по Сусанинскому и Буйскому районам мне удалось встретить и записать рассказ маляра Гущина Николая Ивановича (род. в 1896 г.) д. Буяково Сусанинский район.

«В деревне было много маляров. В ближний отход ходили на Вологодчину. Там много наших маляров работало. Кудрявцев Федор, Граверов Иван Арсентьевич из д. Монакосова (уже умерли).

Один маляр нанимал 2-3 помощника и ездил в Сибирь. Я начал наниматься с 13 лет (с 1909 г. – СК). Ездил на Алтай: Барнаул, Бийск, Кузнецк. С мастером Гаврилой Михайловичем из Конюхова уехал на Алтай и там был 6 лет, 4 года дома не бывавши. Мастер был запянциковский.

И по Андреевщине (с. Андреевское соседнее с Буяково – СК) были мастера, хозяева (подрядчики. – СК) тоже туда (на

КМЗ КОК 10956. Дуга. Роспись. д. Захарово
кр. И.С. Груздева. Рис. Е. Слободская. 1925 г

Алтай) ездили.» В каждом доме работали по 3–4 дня. Дома железом крыли и красили. Народ там богатый, хлеборобы. Много скотины, до 20 лошадей. Земли там много, но селения редки. Туда и украинцы приезжали.

Летом в домах делали малярную работу, расписывали цветы, львы, птичек ставили. В избах расписывали опечье, двери, наличники. Ставили цветы в вазонах. Цветы разные, красные, синие с белыми оживками, корешки черные. Белые оживки наносили кончиком кисти, обмакнутой в белила. Львов писали на опечках и на дверях. Сначала большой цвет нарисуешь, а потом внизу львов и птичек ставили. Фон росписи определял хозяин. Больше красили по белому фону. (На Алтае жило много украинцев). Зимой красили дуги. На дугах рисовали цветы, на резной красили разными красками. Расписывали дуги по 50 копеек, за 1 рубль посложнее. Дуги гнули из тальника, наверное, там же резали узоры.»

Технология малярной работы: «За красишь краской на малярном клею, послабее столярного сваришь в горячей воде (на водяной бане – СК) и добавишь в краску мумию. Покрывали лаком, по нему рисовали. Больше лаком не покрывали. Цветы писали масляной краской. Белила были сухие. Большинство красок покупали сухие. Была краскотерка, ей пользовались больше летом, когда дома красили. Курантом тоже пользовались. Олифу варили сами. Масло было льняное и конопляное, его больше. Добавляли сиккатив, чтобы быстрее сохло. Шпаклевали только трещины и сучки. Всю доску не шпаклевали. Красили два раза. Рисунки покрывали лаком.»⁸

---

⁸ В Сибирь, на Урал и Алтай шли отходники «изо всех трех малярных уездов губернии (Буйский, Галичский, Солигаличский). Отход составлял 8% общего числа отходников костромичей; число взятых

В старой инвентарной книге бытового отдела музея есть записи о приобретенных дугах. В 1925 году была приобретена дуга 1862 года из д. Солониково. Сколько она стоила? Неизвестно. А за дугу 1848 года из той же деревни заплатили 6 рублей. Дугу из д. Аферово купили уже за 1575 рублей. (Деньги стремительно обесценивались).

На дуге 1862 года мастер оставил свои инициалы И.Е.П. Расшифровать их невозможно.

Авторы описи указывают тип дуг: «харьковская», «казанская», судя по их изображениям, это большие дуги, на лицевой стороне которых есть резной декор. Резьба окантовкой идет по краям дуги, где-то на высоте в 1/3 снизу, два-три горизонтальных резных валика, а над ними, вверху, вертикальные желобки, такие же – снизу. Сверху этих желобков высокий треугольный холмик, исчерченный диагональными порезками, образующими ромбики. Центр дуги отмечен сложной резной композицией из встречных S-образных завитков. На некоторых дугах из треугольного холма поднимается извивающийся побег лозы с гроздьями винограда. Существует мнение, что треугольный холм – символ Земли, а побег – это плоды ее. Тогда завиток в центре – что-то из небесных тел. В центр этой резной композиции ввертывали кольцо, на которое вешался колокольчик (зга).

Роспись на бытовых предметах из дерева получила широкое распространение с конца XVII века и до начала XX. В XVIII веке символике придавали особое значение. В помещичьих усадьбах символы и эмблемы находились на многих вещах, так что в программу росписи вензеля вхо-

---

паспортов в год доходило до 60000». // Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии. Кострома. 1927. С. 130.

дили неслучайно. В усадебных домах и церквях заказчики в программу росписи включали символику масонства⁹.

Влияние профессионального искусства городских мастеров на народное нельзя недооценивать. Тем более, что так тесно переплетались в творчестве мастеров росписи отходничество, работа комнатными живописцами и перенос отдельных мотивов в крестьянскую роспись. Даже популярные в профессиональной художественной среде букеты с розами и тюльпанами (букет Ленотра) в старообрядчестве имели свое толкование: роза – цвет чистоты, синие цветки – семя кротости, стебель – корень послушания, листья – терпение, яблоко – плод добрых дел; птицы вкушают от добрых дел. Наставлением на путь истинный, на преодоление греха в поведении звучит рекомендация из книги «Лекарство душевное». *«Возьми корень послушания и листвие терпения, цвет чистоты, плод добрых дел и изотри их в котле безмолвия...вкушай лжицей покаяния и будешь совершенно здрав»*¹⁰.

Крестьянское искусство всегда содержательно. Там, где беглый взгляд видит лишь орнамент, повторяющийся мотив, скрывается глубокое содержание, связанное с осмыслением окружающего мира. Мать – Земля, символы Неба, Солнца, воды как податели Жизни складываются в цельную картину мироздания. Христианскую веру олицетворяли: лев, царь зверей, – символ Христа; виноградная лоза, как и в иконостасе, имела значение, связанное с причастием (вино-кровь Христа). Древо жизни связывалось с райским деревом, а птица на его вершине говорила о его священности.

Сюжетно крестьянская роспись на разных предметах многие лета практически не менялась: цветы в вазоне, львы, птички. Их же видим на дугах, только меньшее пространство определяет масштаб образов, но при этом сохраняются стилистические особенности, приемы искусства крестьянских росписей костромского края.

---

9 Каткова С.С. Усадебная церковь Никола-Бережки. // Каткова С.С. Века и судьбы. Сб. статей. Кострома. 2001. С. 202–210.

10 Иткина Р.И. Русский рисованный лубок. М., 1992.